

Гарри Поттеру было всего шесть лет, и у него сегодня был день рождения. В честь этого великого праздника его дядя и тетя подарили ему целое ничего. Но это лучше, чем ношенный носок Дадли в прошлом году. Тем обиднее было мальчику, что на день рождения его кузена Дадли каждый год устраивался целый праздник со множеством дорогих подарков, которые тот чаще всего ломал. Но мальчик не унывал — ко всему привыкаешь и даже в плохом пытаешься искать хорошее. Поэтому, забравшись на чердак, он копался в старых сломанных игрушках Дадли. Вот стоял трехколесный велосипед с погнутым передним колесом. Гарри садился на него и воображал себя всадником на коне, который срубает голову жестокого дракона с лицом Дурсля. Вот пожеванные бульдогами тетюшки Мардж солдатики, которые выступают против мага с поломанным посохом. Но маг не сдаётся и побеждает превосходящие силы. Ребенок воспринимает все не так, как взрослый, и из трагедии и горя может сделать игру. Правда, от одиночества мальчика это не спасало. Дети во дворе из-за того, что он был одет в поношенную одежду с плеча Дадли, которая была ему велика, а также из-за постоянных издевательств банды кузена, не хотели с ним играть. Из-за слухов, распушенных тетей Петунией, что Гарри хулиган, с ним не хотели общаться и взрослые. Сам мальчик был слишком замкнут и скромн, чтобы подойти к кому-то и пожаловаться. Вот и играл в одиночестве на чердаке. Все лучше, чем попасться на глаза тете, которая заставит его убираться в доме или обрезать кусты, лишь бы он без дела не сидел, или бегать от кузена и его друзей, чтобы не побили. Внезапно в глубине чердака он увидел небольшой сундучок. Гарри стало интересно, откуда он, ведь раньше он его не видел. Подойдя к нему, он отпер замочек и открыл сундук. Внутри был необычно толстый листок бумаги. Гарри читал плохо, но смог все же прочитать по слогам:

— Тре-ни-ро-воч-ный ша-рик для раз-ви-ти-я ре-зер-ва и кон-тро-ля ма-ги-и. Соб-ствен-ность Фи-ли-у-са Флит-ви-ка, — Гарри не знал, кто такой этот Флитвик, но его глаза загорелись.

Магическая вещь! Это должно быть интересно! На обратной стороне была инструкция по использованию, и, потратив полчаса, он смог с третьего раза ее понять. По всему выходило, что шарик забирает его магию, а ему нужно было этому сопротивляться. Чем больше сопротивляешься, тем больше магии он хочет забрать у тебя. Гарри только хотел взять его в руку, как услышал голос снизу:

— Несносный мальчишка, где носишься?! А ну быстро спускайся и помоги мне почистить картошку! — Гарри быстро сложил все обратно и спрятал свое сокровище подальше в ворох тряпья.

Вернулся он только вечером, после ужина. Когда Дурсли смотрели телевизор, а он отпросился из чулана под лестницей, где жил, в туалет. Сначала ему давали горшок и ведро, но вонь в гостиной мало кто хотел ощущать, так что в туалет его всегда отпускали. И иногда забывали, что отпустили, как сейчас. Так что Гарри, как заправский агент 007, стараясь не скрипеть половицами, забрался на чердак. Благо, тут висела одна лампочка, так что впотьмах лазать не пришлось. Взяв шарик в руку, Гарри почувствовал, как потемнело в глазах, но он счастливо и радостно наблюдал, как тот засветился ровным синим светом с клубящейся внутри дымкой. Правда, ему стало так плохо, что все, на что хватило его сил, это спрятать шарик обратно в шкатулку и упасть без сознания.

Дурсли не сразу поняли, что Гарри слишком долго отсутствует в туалете. Вначале они пробовали, как обычно, кричать, но после им пришлось обыскать весь дом, и они нашли обессиленного, с синяками под глазами бессознательного мальчика. К их ужасу и

последующему непониманию, среди хлама валялась веревка. Петуния бросилась к нему с ужасом и успокоилась только нащупав пульс.

— Вернон, это все ты виноват! Что ты говорил? Что выбьешь из него всю это магическую чушь? И видишь, до чего ты его довел? Он чуть не совершил самоубийство! Шестилетний мальчик!

— Так это я виноват? А кто, испугавшись его странностей и взрывов, переселил ребенка в чулан? Кто заставлял работать и недокармливал?

— Так это же помогало, — растерялась женщина. Тяжело порою взглянуть на себя со стороны, особенно когда считаешь, что делаешь благое дело.

— Как видишь, помогло до такой степени, что мы чуть все не стали убийцами ребенка и не сели в тюрьму. А Дадли отправился бы в интернат! — сам Вернон на самом деле не так уж и ненавидел магию, в отличие от Петунии. Ведь в его семье не было волшебников, да и самого Гарри видел только вечером и по выходным, так что большую часть «странностей» не замечал.

— И что нам делать, Вернон? — заплакала женщина.

Нет, любви к сыну нелюбимой сестры у нее не прибавилось. А вот сожаления и сочувствия — точно, как и осознания, к чему чуть не привели их действия. Но как они могли поступить иначе, не зная, как ухаживать за маленьким волшебником? Они боялись, что Гарри навредит их Дадли. Им никто не дал пособия, а у Лили подобного не было.

— Мы можем попробовать дать ему шанс быть обычным. Поговори с ним, расскажи, что его родители были этими урод... волшебниками.

— Но, Вернон!

— А что ты предлагаешь? Дождаться того, чтобы он вскрыл себе вены? Может быть, если он узнает, чего мы на самом деле боимся, то выслушает нас. Он вроде бы послушный, — с сомнением сказал Дурсль. — Ну или можем отдать его в детский дом.

— Нет! — воскликнула она. — Что о нас подумают соседи? Я сделаю, как ты сказал!

На следующий день Гарри было все еще плохо, но проснулся он не в чулане под лестницей, а во второй комнате Дадли на своей кровати. В комнату вошла его тетушка.

— Тетя... — попытался было оправдаться Гарри, что спал так долго, но Петуния восприняла это совсем иначе. Через силу она его обняла и почувствовала, как мальчик одеревенел. Он не знал,

как реагировать на ласку, и вел себя сейчас как брошенный уличный щенок.

— Все хорошо, Гарри, — Петуния тяжело вздохнула. — Я должна извиниться перед тобой и объяснить, почему мы так с тобой обращались. Видишь ли... Ты волшебник.

— Как в сказках? — воскликнул восхищенно мальчик, а Петуния не смогла смотреть в горящие надеждой глаза ребенка и отвернулась.

Легко отстраниться от ребенка и считать его опасным для всей семьи. Считать его виновным во всех бедах и оправдывать любую несправедливость тем, что он урод, он сын магов. Но глядеть в невинные детские глаза отчаявшегося до самоубийства ребенка было тяжело и больно. Сглотнув ком в горле, она продолжила:

— Да, Гарри, как в сказках. Твои родители не погибли в автокатастрофе, их убил темный волшебник, и нам тебя подбросили как какую-то дворнягу. Ночью, в ноябре, мы нашли тебя только утром. Вначале я приняла тебя как своего, ведь все же ты был ребенком моей сестры. Но потом однажды я услышала грохот. Когда я пришла в вашу с Дадли комнату, там все летало, ты смеялся, а Дадли парил вокруг, только чудом не ударяясь об стены. Я надеялась, что ты не будешь таким, как они... Мы испугались, понимаешь? — тот момент до сих пор снился ей в кошмарах. — Мы посадили тебя в чулан, потому что если бы что-то случилось внизу, мы бы смогли быстро выбежать. Да и спали все наверху.

— Так я... Простите, тетя, я не помню, — понурил он голову. А Петунию будто током пробило. Ну да, он же был совсем маленький, и если они все отлично помнили, то он даже не осознавал, за что с ним так обращаются.

— Теперь ты знаешь, кто ты, и в одиннадцать лет, скорее всего, тебе придет письмо из Хогвартса, как моей сестре. Ох, как родители ею гордились — дочка волшебница. А я была совершенно обычной... — Петуния изливала всю накопленную горечь зависти к сестре. Как отдалялась от нее. Как впервые та назвала ее непонятным словом сквиб, а родителей магглами. Как ее муж и его друг устроили бардак на свадьбе Петунии, что стало последней каплей терпения в их отношениях. Высказавшись, Петуния поняла, что неосознанно перенесла отношение к своей сестре на ни в чем неповинного ребенка, и ей стало стыдно. — Гарри, если хочешь, можешь жить теперь в этой комнате.

— Я не хочу никому навредить, — твердо сказал мальчик, и Петуния разрыдалась.

— Ты никому не навредишь, живи здесь, — ушла она, скрывая слезы горечи и освобождения от ноши. Она не искала себе прощения, но могла исправить сделанное. С того дня Гарри начал недорого, но добротнo одеваться, ему стали иногда покупать и игрушки и нормально, как и остальных, кормить. Естественно, Дадли заревновал и еще рьяней пытался досадить Гарри, но дома этого сделать уже не было возможности, так как родители не позволяли. Из-за чего Гарри стал совсем домоседом. Через пару недель, восстановившись, он снова взял мячик. На этот раз он чувствовал себя гораздо лучше — хорошее питание и постоянная беготня от Дадли сделали свое дело, хотя на свой возраст он будет выглядеть еще не скоро. Гарри пытался

сопротивляться, но энергию из него все равно выкачал. Хотя на этот раз он и не потерял сознание. Вялое состояние Гарри Дурсли сочли последствием плохого питания и стали кормить его наравне с Дадли и Верноном, то есть совершенно неприличными порциями калорийной пищи, которую Гарри сметал как пылесос. На этот раз он восстанавливался всего неделю, и успехи его были чуть лучше. Несмотря на неприятные ощущения, Гарри нравилось чувствовать себя магом, творящим волшебные штуки. А Дурслям нравилось, что Гарри не делал ничего странного, что только убедило их в правильности нового подхода. Да, его также наказывали за проделки, но наказание заключалось... в сидении в своей комнате с любимым шариком. Гарри за год почти каждодневного его использования, в конце концов, не расставался с ним. Поначалу было тяжело сопротивляться его жадности до энергии Гарри, но со временем он смог держать его целыми днями, а чуть позже и ночами. Из-за этого Гарри начал лучше чувствовать свое тело, какие-то каналы, по которым текла энергия, и даже некую дымку в воздухе, которую постоянно выпускал шарик. Эта дымка пронизывала весь дом. И однажды, окучивая розы вместе с тетей, он сказал:

— Тетя, смотри! — на ее глазах завядшая роза вдруг налилась жизнью и цветом и распустилась в шикарный бутон.

— Гарри, никому больше этого не показывай, хорошо? — желание выделиться перед соседями своими розами боролось в Петунии со страхом раскрытия тайны, что ее племянник маг, но, в итоге, она пошла на сделку с совестью. — Но если никто не видит — то можно.

«Если никто не видит — то можно», — эти слова глубоко въелись в сознание мальчика. И когда он пошел в школу, а Дадли с Пирсом начали к нему приставать, Гарри пожелал, чтобы его не видели. И все действительно перестали обращать на него внимание. Да, Гарри было грустно и одиноко, но он к этому привык, тем более, что в отличие от игрушек, тетя Петунья с радостью покупала Гарри книги. Ведь книги не издают шум — купил ее ребенку и несколько дней, а то и недель, наслаждаешься тишиной. Книги и шарик стали вечными спутниками мальчика-которого-никто-не-замечает. Дом номер четыре на Тисовой улице настолько пропитался магией мальчика, что даже вездесущие кошки миссис Фиг перестали замечать мальчика. А Гарри, между тем, так хотел попасть в мир книг, что, читая очередной томик литературы, воссоздавал в своей комнате целый иллюзорный мир. Иногда, когда Гарри не нравился ход событий, он менял его, и мертвые вновь оживали, а грустные и печальные радостно смеялись. Тетя Петунья показала ему фото родителей, и, бывало, Гарри долго наблюдал за ними, будто они живые стоят перед ним.

На девятом году жизни Гарри попался американский комикс про людей Икс. К тому моменту обычная литература ему наскучила, и он переключился на комиксы Дадли. Истории про героев в костюмах, которые несут справедливость, в основном кулаками и сверхспособностями, так понравилась мальчику, что он решил попробовать повторить способности героев. К тому моменту контроль, резерв, воображение и воля Гарри достигли такого уровня, которого не все мастера достигают. Просто потому, что мало кто днями и ночами спускает свой резерв в шар тренировки контроля, которому сопротивляться тем сложнее, чем дальше ты зашел. И не каждый одной только волей пытается создавать целые, пусть и иллюзорные, миры. Однажды, правда, у Гарри почувствовал сильную боль в шраме, который пытался ограничить его силу. И тогда мальчик отправил всю свою волю и силу в шрам, захотев, чтобы тот исчез. Тем более что это клеймо темного волшебника каждый день напоминало ему о смерти родителей. И со звуком разбитого стекла шрам испустил черную дымку и зажил. Как Гарри показалось, что

ему после этого стало легче думать, концентрироваться и колдовать. И вот, мальчик был на полянке в лесу неподалеку от дома, пытаясь поднять веточку телекинезом. Он и так пробовал, и сак, пока не разозлился и не выпустил всю свою злость в ничем неповинную веточку. Он представил, что разрывает ее на части. Гарри отбросило от взрыва, а на том месте оказался кратер. Так мальчик понял, что не надо стараться, надо ВЕРИТЬ, что у тебя получится. Если бы здесь оказался опытный маг, он бы только покачал головой — спустить огромный резерв магии во взрыв, уступающий только бомбарде... это сильно. Но мальчика такие мелочи не волновали. Ему нравилось делать волшебные штуки. Ведь «если никто не видит — то можно». Гарри поджигал листву, замораживал ее, поднимал в воздух и сам пытался летать. Не все получалось даже с десятого раза. Но он знал, он верил, что он маг, и у него все получится. Нет ничего невозможного, ведь он увидел даже своих родителей. И он знал, что однажды за ним придут волшебники и покажут настоящую магию, а не ту фигню, которой он страдает. Но это не мешало мальчику бегать невидимым никем и спасать кошек, помогать старушкам, лечить раны или ловить мелких преступников. Он чувствовал себя настоящим героем, которому не нужна слава. А Литтл-Уингинг в графстве Суррей на полтора года стал самым безопасным местом в Англии.

31 июля 1991 года.

Гарри с нетерпением ждал этого дня. Кто же принесет ему письмо? Это будет строгий маг или красивая волшебница? Ведь он доконал тетю Петунию, и та ему раз десять рассказала во всех подробностях, как ее сестре принесла письмо из волшебной школы строгая волшебница Минерва Макгонагалл. Если вначале тетя рассказывала об этом с неохотой, то потом, видя счастливое лицо ребенка, открывшего рот, не могла сдерживать улыбки. Дурслям больше не на что было злиться, да и Дадли с Пирсом отстали от него. Какой смысл бегать за тем, кого даже увидеть и найти не можешь? Это же скучно. Петуния иногда даже жалела, что ее Дадли не такой умный, послушный и усердный, как Гарри. Мальчик это однажды случайно подслушал в разговоре между дядей и тетей. После того разговора визжащего кузена отправили в лагерь скаутов на три месяца, откуда он вернулся похудевшим и более спокойным. Да и учиться стал гораздо лучше. Когда почтальон положил письма и молоко под дверь, Гарри первым рванул и вытащил предназначавшийся ему толстый пергаментный конверт.

— Ну, Гарри, что там? — спросила Петуния, когда недовольный Вернон ушел наверх. Он не смирился со своим неприятием магии, но и кричать на мальчика из-за этого не хотел.

— Все, как ты и говорила, тетя! Спасибо! — обнял он ее. — Вот только как мы отправим ответ, если совы нет?

— Я не знаю, к нам приходил преподаватель, — растерянно пожала плечами Петуния. А после этого началось. Письма полетели отовсюду: из почтового отверстия, из камина и из окон. Гарри сначала растерялся, а потом увидел напуганное лицо Петунии, которая прикусила губу. Он видел, как ей тяжело было признать его магом. А теперь кто-то пугает его семью, чтобы что? Чтобы вернуть его в чулан под лестницей? Гарри разозлился и превратил все письма и истлевший бесследно прах. Совы испуганно разлетелись, почувствовав чудовищное количество магии вокруг дома, которое желало их уничтожить.

— Прости тетя, — заплакал Гарри, который нарушил единственное правило. — Я хотел защитить вас.

— Ничего, сынок, — не заметив оговорки, сказала Петуния. Впервые она увидела магию не как попытку унижить ее или навредить, а как попытку защитить. — Все хорошо.

Ночью Гарри услышал чьи-то шаги вокруг дома. У него был чуткий сон, и он очень четко чувствовал вторжение в его дом. Поэтому он увидел великана, который идет к ним. Гарри не запрещали смотреть телевизор, который в свое время барахлил из-за его магии, но потом он просто пожелал, чтобы этого не происходило. В общем, он знал, что есть такие плохие люди, как маньяки и убийцы. А кем мог быть бородатый и лохматый великан, идущий к людям ночью? Поэтому Гарри захотел, чтобы тот ушел и не увидел ни их дом, ни соседские дома. Так оно и случилось, великан походил вокруг и, сев на мотоцикл, улетел.

На следующее утро к ним пришла строгая женщина, та самая Минерва Макгонагалл. Она сурово посмотрела на его дядю и тетю, потом доказала, что волшебница, превратив стол в свинью и обратно. Гарри не понимал, зачем превращать в стол в свинью, но ему все равно понравилось. Ведь это магия! А как магия может не нравиться? Ну разве что его дяде и тете не нравилась, но Гарри прочитал много книжек и знал, что навязывать свои интересы плохо. Правда, один вопрос он все же задал:

— А зачем вам эта деревянная палка в руке?

— С помощью нее и творится магия. Без нее могут колдовать только великие волшебники!

— А я великий, да? — поинтересовался расцветший Гарри.

— Да, мистер Поттер, вы и не представляете, на сколько, — по своему поняв его вопрос, скупой улыбнулась Макгонагалл. — Только, пожалуйста, не возгордитесь слишком сильно, это плохая черта.

Гарри кивнул, он знал главное правило: «Если никто не видит, то можно», так что он будет гордиться собой, немножко и наедине. Он только надеялся, что можно будет погордиться с кем-нибудь вместе. Но профессор была немногословна и подала ему руку. Взявшись за нее, Гарри почувствовал, как его будто прокрутили в стиральной машинке и засунули в игольное ушко.

— Это было весело! — сказал Гарри к удивлению Макгонагалл. Сама профессор удивилась еще и потому, что трансгрессировать Поттера оказалось на удивление тяжело. Чем сильнее маг, тем тяжелее с ним аппарировать. — А можно еще?

— Чуть позже, — улыбнулась пришедшая в себя Минерва. Впервые она встречает не тошноту после аппарации, а желание попробовать еще раз. После этого Гарри провели через какой-то старый бар к кирпичной стене, где его проводница показала, на какие кирпичи нужно

нажимать. Хотя Гарри и так видел светящиеся знаки, он согласно кивнул. Ведь он был послушным мальчиком. После этого его покатали на забавных русских горках внутри вагонетки с забавными гоблинами. Гарри смотрел фильмы ужасов, пока никто не видит, и в своих иллюзиях создавал страшилищ пострашнее, так что вид этих серых коротышек его не напугал. А вот куча золота в банке удивила.

«А если я такой богатый, то почему дяде и тете приходилось тратить свои деньги?» — спросил себя мысленно Гарри и начал набирать полные карманы золота.

— Мистер Поттер, достаточно ста галлеонов, — сказала ему Минерва.

— Это на подарки, домой. И книги почитать, — ответил он ей, и Макгонагалл удивленно кивнула. Удивительно добрый мальчик, который еще и книгами увлекается. Может быть, она была слишком строга к Дурслям? Да и вроде бы относились они к нему нормально.

Обычно Минерва не позволяла заходить в лишние магазины и ходить подолгу, но в этот раз решила сделать исключение. И не только потому, что это тот самый Гарри Поттер или потому, что чувствовала за собой вину перед Лили и Джеймсом. Но и потому, что ребенок был действительно искренним, ненавязчивым и не капризничал. Только один инцидент случился при выборе палочек в магазине Олливандера. Когда тот в своем репертуаре дал ему одну из палочек...

— Волос единорога и дуб, десять дюймов, очень жесткая, — передал старец с белыми глазами палочку мальчику. Тот взмахнул... И половины магазина просто не стало. Будто в центре образовался огромный шар, который потом исчез, оставив ровные края. У мастера палочек задержался глаз. Его стандартное шоу, когда он показывает неподходящие палочки, веселя детишек, обошлось ему только что в пару тысяч галлеонов. Обычно восстановить разбитые вазы и разваленные стеллажи дело пары взмахов палочкой. А где теперь искать исчезнувшее? Хорошо, хоть мальчик в него не направил уже сгоревшую палочку. — Кажется, не то.

— Простите, может быть, мне заплатить за ущерб? — Олливандер посмотрел на ехидно улыбающуюся Минерву возле двери, которая этот цирк никогда не одобряла, и понял, что договориться с ней не удастся. Так как именно ей приходится терять время и ждать, когда мастеру надоест издеваться над ребенком.

— Нет, нет, это все моя вина, — ответил будто сжевавший лимон Олливандер. — Одиннадцать дюймов, перо феникса и остролист.

Гарри взмахнул палочкой, и из нее вырвалось пламя, пожирая все, что осталось в магазине. Мастер чуть не заплакал, кое-как потушив огонь. Палочка в руке Поттера также сгорела. А ведь Дамблдор почему-то очень тонко намекал, что именно эта палочка может подойти Гарри. «Сволочь бородатая, вот с него и возьму компенсацию», — подумал Олливандер и наконец вытащил действительно подходящую Гарри палочку. Определяется это специальным кругом с внутренней стороны досок под покупателем.

— Сердечная жила дракона и вишня, одиннадцать дюймов, хлесткая. Сильное, но своенравное сочетание, нужно обладать большой силой ума и волей, чтобы покорить ее, — на всякий случай мастер отошел подальше. Но ничего плохого не случилось, так как палочка вспыхнула очень яркими искрами и успокоилась.

— Да, мастер, спасибо. Это действительно моя палочка, — погладил ее Гарри. — А какие-нибудь средства по уходу и чехол для нее есть?

— Конечно, мистер Поттер, — оставив пятнадцать галлеонов, на которые с печалью смотрел Олливандер, счастливый Гарри вместе с Минервой вышли из того, что когда-то было магазином.

— Может, все-таки было лучше оплатить нанесенный ущерб? — спросил Гарри. — Это же все из-за меня.

— Не стоит, мистер Поттер, — под звук рушащейся крыши улыбающаяся Макгонагалл отправилась с ним на выход, чтобы отправить домой и отдать билет на поезд. Сорок лет Олливандер вымораживал ее нервы своей игрой и наконец-то получил по заслугам. Месть тем слаще, чем дольше ждешь.

<http://tl.rulate.ru/book/47251/1128050>